

хваченному Демидовским фондом. На его примере виден удачный пример объединения усилий двух организаций, внёсших вклад в достижение результата. Изданная книга — полезное пополнение библиотеки археографических публикаций, связанных с историей экономики и культуры России.

Примечания

¹ *Хадсон-мл. Дж.* Первые Демидовы и развитие чёрной металлургии России в XVIII веке. Изд. 2 / Отв. ред. И.Н. Юркин. СПб., 2014.

² Демидовы в Европе. Каталог выставки. Екатеринбург, 2019; Первые Демидовы: рождение горнозаводской империи. Екатеринбург, 2021; Наследники Акинфия Демидова: новые пути развития. Уральская заводская империя второй половины XVIII — начала XIX века. Каталог выставки. Екатеринбург, 2022.

³ В статье Т.В. Богдановой приведены сведения о пожаловании Н.Д. Демидову дво-

рянского достоинства (с. 8), с трактовкой которых не могу согласиться. Реальная картина событий была сложнее.

⁴ Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени / Сост., очерки и коммент. Н.В. Козловой и А.Ю. Прокофьевой. М., 2015; «Помышляя о часе смертном...»: семейно-правовые акты в документах ратуши Сергиевского посада (последняя четверть XVIII — середина XIX в.). Тексты и комментарии / Сост. Н.А. Четырина. М., 2022.

⁵ Так в подписи к фотографии. Исправлю неточность: главный элемент памятника — фигура князя Владимира — отлита в Санкт-Петербурге (*Петров В.Н.* Пётр Карлович Клодт. 1805—1867. Л., 1985. С. 50).

⁶ *Арсентьев Н.М., Дубодел А.М.* Промышленная Россия первой половины XIX века: Замосковный горный округ в планах и чертежах. М., 2004. С. 138.

⁷ Прокофий Акинфиевич Демидов. Письма и документы. 1735—1786 / Сост. А.С. Черкасова. Екатеринбург, 2010. С. 38—43.

⁸ *Юркин И.Н.* Демидовы: Столетие побед. М., 2012. С. 84, 300—301, 400.

Лариса Байбакова

Рец. на: Россия на международных форумах и конгрессах XVII — начала XX века. М.: Международные отношения, 2021. 552 с.

Larisa Baibakova

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Rec. ad op.: Rossiya na mezhdunarodnykh forumakh i kongressakh XVII — nachala XX veka. Moscow, 2021

DOI: 10.31857/S2949124X24020202, EDN: HNEFFS

Коллективная монография «Россия на международных форумах и конгрессах XVII — начала XX века», подготовленная в Институте российской истории РАН, продолжает традицию изучения места и роли нашей страны в мировой политике¹ и, в частности, использования ею средств конференционной дипломатии, обладавшей значительной степенью автономии и свободой манёвра.

Как известно, в 1648—1850 гг. различные международные конгрессы собирались десятки раз, во второй по-

ловине XIX в. их насчитывалось 549, а в 1900—1919 гг. — 1082². Однако авторы коллективной монографии анализируют лишь наиболее важные из них, прежде всего те, которые оформляли ту или иную «систему» отношений в Европе, фиксировали после очередного военного столкновения новое соотношения сил и определявшееся им территориально-политическое устройство.

Во введении к монографии А.В. Виноградов показал связь, соединяющую вполне самостоятельные

очерки авторитетных в научных кругах исследователей. Вестфальский мир, завершивший Тридцатилетнюю войну 1616–1648 гг., — первый крупный конфликт Нового времени — не только изменил границы на континенте, но и стал исходной точкой для всех последующих международных договоров вплоть до французской революции конца XVIII в. При сложившемся тогда порядке, основанном на равновесии сил держав и недопущении доминирования одной из них, дипломатические отношения впервые были структурированы и приобрели регулярный характер. Россия впервые выступила в качестве полноправного участника европейских дел на Карловицком конгрессе 1698–1699 гг.

А.Г. Гуськов показал двойственность принятого царским правительством решения присоединиться к борьбе с турецкой угрозой и взять на себя обязательства отвлечь войска крымского хана на восток ради приобретения выхода в Азовское море и продвижения к Черноморскому побережью. Сложность положения российской миссии во главе с думским дьяком П.Б. Возницыным объяснялась нежеланием Петра I заключать долгосрочное соглашение с турками. Однако добиться продолжения войны в условиях, когда все союзники стремились её закончить, оказалось невозможным. В итоге Россия предпочла ограничиться перемирием, продлённым в 1700 г. Константинопольским миром на 30 лет. Удержав стратегически важную крепость Азов и освободившись от уплаты ежегодной дани крымскому хану, Россия, по словам Гуськова, «оказалась включена в общеевропейскую систему международных отношений и договоров» (с. 84).

Г.А. Санин отметил, что в рамках Вестфальской системы равновесие сил в Европе нарушалось в пользу Франции и её союзников. Сдержива-

ние их привело к войне за «испанское наследство» и образованию новой Утрехтско-Ништадтской системы, при которой «в дополнение к двум политическим группировкам — вокруг Англии и вокруг Франции — сложилась третья группировка в составе России, Пруссии, Саксонии, Польши и Дании... с преобладающей ролью Петербурга» (с. 129). Таким образом, при Петре I, решая собственные стратегические задачи (выход к Балтийскому морю и оборона южной границы), Россия вошла в европейский «концерт», «пройдя путь от второстепенного государства до системообразующей державы» (с. 130).

М.Ю. Анисимов рассмотрел роль на международных конгрессах дипломатов Елизаветы Петровны. Её царствование представлено в книге как период «окончательного вхождения России в европейскую систему международных отношений в качестве одной из пяти великих держав, которые будут определять судьбу континента вплоть до начала XX в.» (с. 131). Характеризуя «Постутрахтский порядок международных отношений», автор указывает на складывание двух враждебных блоков, отражавшее противостояние Парижа и Вены, на которую ориентировались в Петербурге. Опираясь на неизвестные прежде архивные материалы, историк раскрывает обстоятельства подготовки конгресса в Аугсбурге и причины, помешавшие его созыву.

Участие России в Тешенском конгрессе 1778–1779 гг. освещено Г.А. Гребенщиковой, утверждающей, что именно «это событие... возвело державу Екатерины II на почётный пьедестал гаранта мира» в Германии (с. 182). Благодаря усилиям кн. Н.В. Репнина, блестяще справившегося с посреднической миссией, удалось завершить войну за «баварское наследство» компромиссом

между Веной и Берлином, не допустив существенного усиления одной из соперничавших сторон. При этом «в ходе многочасовых переговоров по животрепещущим вопросам германской политики великие державы воспринимали и расценивали Россию как полноправного и весомого участника “концерта”, без которого ни одно решение по германо-австрийскому направлению не имело окончательной юридической силы» (с. 182).

Е.В. Котова обратила внимание на действия Александра I на Венском конгрессе 1814–1815 гг., который «стал апогеем влияния России, значительно расширившей свои границы, на европейские дела» (с. 261). Примером урегулирования региональных кризисов в рамках Венской системы Е.П. Кудрявцева считает Лондонские конференции 1840–1841 гг., изменившие международно-правовой статус проливов Босфор и Дарданеллы, формально принадлежавших Османской империи, но оказавшихся под коллективной опекой великих держав. По мнению автора, заключённые тогда соглашения, временно смягчив напряжённость в Европе, в долгосрочной перспективе обострили соперничество на Ближнем Востоке, поставили под угрозу безопасность Черноморского побережья России и усилили влияние Англии в Константинополе.

В очерке М.Е. Сороки высоко оцениваются усилия посланников России на Парижском конгрессе 1856 г. гр. А.Ф. Орлова и барона Ф.И. Бруннова, направленные на смягчение условий мирного соглашения после проигранной Восточной войны. Действительно, финальная версия подписанного ими трактата выглядела не столь болезненно, как могла бы. Россия утратила лишь небольшую часть своей территории, прилежавшую к устью Дуная, и не выплачивала контрибуции, но ей всё же пришлось смириться с ограничением

суверенных прав на Чёрное море. Добиться отмены этих унижительных для великой державы обязательств удалось только в 1871 г. После же победы России в войне с Турцией в 1878 г. решения Берлинского конгресса, детально проанализированные И.С. Рыбачёнок, зафиксировали новую геополитическую обстановку, в которой важную роль играли так и не разрешённые противоречия на Балканах — в Боснии и Герцеговине, Македонии, Добрудже, в зоне Проливов и т.д.

В ещё двух очерках Рыбачёнок прослеживаются попытки «европейского концерта» ограничить рост вооружений и создать нормативную базу для мирного решения международных споров. Характерно, что Николай II, выступивший инициатором созыва Первой Гаагской конференции, руководствовался как политическими, идеологическим и моральными мотивами, так и финансовыми соображениями. Но особенно значимым представляется обзор Второй конференции мира в Гааге в 1907 г., которой до сих пор не было посвящено специальных исследований. Впервые введённые в научный оборот материалы АВПРИ позволили автору выявить этапы подготовки этого форума, описать его ход и раскрыть значение достигнутых результатов в контексте изменений, происходивших в начале XX в. И хотя создание общеевропейской системы безопасности и тогда не имело шансов на успех, такие международно-правовые механизмы, как арбитраж, посредничество, международные следственные комиссии и суд впоследствии прочно вошли в дипломатическую практику.

Вместе с тем о некоторых проблемах в книге следовало бы сказать более подробно. Так, Россия не случайно упоминалась в тексте Вестфальского мира в качестве одного из его гарантов, что делало её важным элементом

европейского равновесия. Но каково было её место, каким влиянием она располагала в складывавшейся в то время системе отношений держав? Для понимания этого нужно не просто рассмотреть расстановку сил в Европе в середине XVII в., как сделано во введении, но и выделить основные этапы постепенного втягивания России в различные союзы и коалиции.

В очерке Гуськова Россия предстаёт как страна, включённая на основе решений Карловицкого конгресса в общеевропейскую систему международных связей. Однако, по мнению Санина, такого положения ей удалось добиться только после завершения в 1721 г. Северной войны. Анисимов же называет «временем окончательного вхождения» в этот круг царствование Елизаветы Петровны, правительство которой в 1748–1761 гг. «прошло путь от отказа от допуска на международный конгресс до ведущей роли в нём». Гребенщикова причисляет Россию к «великим державам» уже при Екатерине II (с. 130, 180, 182). Соответствующие критерии (объективные и субъективные) требуют, видимо, дополнительных разъяснений. Ведь в XVII в. заметную роль в Европе играли не менее десяти государств, но само понятие «великая держава» вошло в обиход только после Венского конгресса 1814–1815 гг. и возникновения в 1818 г. «пентархии», включавшей Англию, Россию, Австрию, Пруссию и Францию.

Впрочем, Анисимов не без оснований относит фактическое появление пентархии ко времени Семилетней войны 1756–1763 гг., которая завершилась серией мирных договоров, оформивших новую — «Постутрехтскую» систему международных отношений (с. 131). По словам Гребенщиковой, в конце 1770-х гг. «четырёхугольник Петербург — Берлин — Париж — Вена являлся действенным фактором

в деле сохранения мира, безопасности и спокойствия в Европе» (с. 182). Но как тогда в эпоху наполеоновских войн сложилось то, что исследователи иногда именуют «Тильзитской системой»³, главным признаком которой являлось установление французской гегемонии на континенте? Сменившая её Венская система опиралась на принципы легитимизма и равновесия, гарантированные «концертом» пяти великих держав, регулярно проводивших конгрессы и консультации для разрешения конфликтных ситуаций. Продолжительность её существования и отличительные черты до сих пор вызывают дискуссии. Одни полагают, что она сохранялась до Крымской войны 1853–1856 гг. (этого мнения придерживаются и авторы рецензируемой монографии) или до 1871 г., когда начался переход к системе союзов, разделивших Европу на два лагеря. Другие же доказывают, что её основополагающие консервативно-охранительные идеи, а также «стремление к поиску консенсуса, консультациям, арбитражу» действовали, несмотря на частые и длительные перебои и модификации, в течение целого столетия — вплоть до Первой мировой войны⁴. Рыбачёнок утверждает, что Балканские войны 1912–1913 гг. стали «началом конца системы, созданной Берлинским конгрессом» (с. 402). Однако следует ли рассматривать решения Берлинского конгресса 1878 г. как самостоятельную систему, существенно изменившую расстановку сил, или как модифицированную «подсистему» в рамках Венского миропорядка? Не лишним было бы также уточнить место России в реалиях рубежа XIX–XX вв. при анализе возникших региональных подсистем (балканской, ближневосточной, закавказской, среднеазиатской и проч.).

Так или иначе, авторам в целом удалось реализовать свой широкомас-

штабный замысел, подтвердив оригинальные концептуальные положения широким кругом источников, в том числе впервые введёнными в научный оборот документами из фондов РГАДА, АВПРИ и РГА ВМФ. Ими создано обобщающее исследование, в котором на основе критического переосмысления хода и итогов международных конгрессов, заседавших при активном участии царской России, а также с учётом новейших достижений в области теории и методологии истории, убедительно демонстрируется, что дипломатия, способная урегулировать межгосударственные противоречия мирным путём, не менее значимая сила, чем оружие на поле боя. Данная коллективная монография, несомненно, будет полезна не только для специалистов, но и для всех, кто проявляет интерес к истории международных отношений.

Примечания

¹ См., в частности: Геополитические факторы во внешней политике России: вторая половина XVI — начало XX века: к столетию академика А.Л. Нарочницкого. М., 2007; Формирование территории Российского государства, XVI — начало XX вв. Границы и геополитика. М., 2015; От царства к империи. Россия в системе международных отношений. Вторая половина XVI — начало XX века. М.; СПб., 2015.

² Третьякова Е.С. Основные конгрессы и конференции XIX века и их роль в развитии международного права // Вестник академии права и управления. 2016. № 42. С. 41–47.

³ Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е. История международных отношений. 1918–1939 гг. М., 2006. С. 26.

⁴ Системная история международных отношений в четырёх томах. М., 2000. Т. 1. С. 10–12; Ревякин А.В. История международных отношений в Новое время. М., 2004. С. 38–39; Медяков А.С. История международных отношений в Новое время. М., 2007. С. 164; Основы общей теории международных отношений. М., 2009. С. 67–69.

Алексей Ипатов

Рец. на: С.С. Юдин. Солдат империи. Генерал М.И. Драгомиров. Реформатор. Учитель. Военачальник. М.: Яуза-каталог; Российское военно-историческое общество, 2021. 336 с.

Aleksey Ipatov

(Voronezh State Pedagogical University, Russia)

Rec. ad op.: S.S. Yudin. Soldat imperii. General M.I. Dragomirov. Reformer. Uchitel'. Voenachal'nik. Moscow, 2021

DOI: 10.31857/S2949124X24020214, EDN: HGNTUO

Мнения о концепциях и способностях военных теоретиков и полководцев второй половины XIX в. в Российской империи за прошедшее время неоднократно менялись. В отечественной и зарубежной исторической науке не раз трансформировались господствующие методологии и основные подходы к оценке роли отдельных личностей. В советской историографии царские генералы по-

реформенной эпохи оценивались предельно строго, похвалы (прежде всего от П.А. Зайончковского¹) удостоился, пожалуй, только военный реформатор Д.А. Милютин. В последние десятилетия учёные всё чаще проявляют интерес и к другим крупным военачальникам². Однако, как ни странно, только в 2021 г. вышла первая монография, посвящённая анализу взглядов и деятельности М.И. Драгомирова, оста-